

РЕЦЕНЗИИ

УДК 316

**Несгибаемая классика как повод
для прагматической рефлексии****Н. В. Соколов*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Соколов Н. В.* Несгибаемая классика как повод для прагматической рефлексии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. Вып. 4. С. 475–487. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.408>

Книги С. А. Белановского, посвященные методологии и методикам качественных исследований, хорошо известны отечественным социологам. По крайней мере тем, кто всерьез преподает и/или практикует качественные методы. Первое издание книги «Индивидуальное глубокое интервью» увидело свет тридцать лет назад — в 1993 г. А через два года — в 1995 г. — автор представил читателям «Метод фокус-групп». Начало 1990-х было для отечественной социологии эпохой прорывной, и публикации С. А. Белановского сыграли в этом прорыве свою роль. Так или иначе, они вошли в классический библиографический список русскоязычных источников по методам социологических исследований и остаются в нем по прошествии трех десятилетий. Правда, сам список классики по эмпирической социологии на русском языке остается скромным по размерам, а что касается получивших широкое признание учебников и методических работ по качественным эмпирическим методам, то их и вовсе можно пересчитать по пальцам. Тем интереснее третье, переработанное издание, объединившее ранее выходившие отдельно друг от друга работы. Правда, здесь сразу возникает вопрос: почему автор решил объединить материал, касающийся двух самостоятельных методов, в одной книге? Автор отвечает на него в предисловии так: «...чтобы подчеркнуть родство методов и исключить дублирование, особенно в методологической части» (с. 8). Аргументы понятны, но толика сомнения в целесообразности такого решения остается — во-первых,

* [Рец. на кн.]: Глубокое интервью и фокус-группы: учебник по качественным методам социологического опроса / С. А. Белановский. 3-е изд., перераб. М.: Директ-Медиа, 2022. 456 с.

потому что интервью и фокус-группы не исчерпывают собой совокупность известных качественных методов (и следовательно, на роль универсального учебника по применению качественных методов в социологии объединенное издание не претендует), а во-вторых, социологическое сообщество привыкло уже к тому, что в обороте находятся два отдельных источника, и до 2022 г. это никому не мешало.

Рецензировать классику — дело ох какое непростое: на ней обучены (и воспитаны!) поколения отечественных социологов, которые между тем демонстрируют в своей презентации и практиках колоссальную дифференциацию профессиональных норм — понятий, подходов, методик, интерпретаций и т. д. При этом текст С. А. Белановского был и остается авторским, уникальным в своих решениях, и должен восприниматься в этом качестве. Например, автор уже три десятилетия настаивает на использовании термина «глубокое интервью», хотя и признает, что фактической разницы с получившим широкое распространение в российском обороте термином «глубинное интервью» применительно к социологическому исследовательскому полю нет, и фактически их можно использовать как синонимы (с. 50–51). Небольшая ремарка: известные автору этих строк академическая и исследовательская практики однозначно свидетельствуют о том, что в российском обороте закрепилось именно «глубинное», притом что обе версии являются не чем иным, как попыткой дословно перевести англоязычный термин. С. А. Белановский упоминает английское *depth* — глубина (с. 50), на практике также встречаются *in depth* и/или *in-depth*, что с учетом контекста можно перевести не только как «углубленное», но и «тщательное» или «подробное». Однако все варианты перевода проигрывают в смысловом плане термину «нарративное» (повествовательное) интервью, который отражает коммуникативную сущность данного способа сбора первичных социологических данных, но который получил гораздо меньшее распространение. Сказанное свидетельствует, что распространение и закрепление понятийного аппарата — это не произвол отдельных субъектов, а объективный социокультурный процесс, возможности рационального воздействия на который ограничены. Поэтому открытым остается вопрос, в какой момент классику стоит уступить коммуникативной стихии и стоит ли уступать вообще.

С учетом показанных выше особенностей нового издания была избрана прагматическая стратегия его рецензирования, предполагающая оценку возможности использования данной книги, во-первых, в качестве учебника в процессе преподавания методов социологического исследования и родственных дисциплин, а во-вторых, в качестве источника отраслевого нормативного знания в конфликтных ситуациях, особенно в практике прикладных исследований. Вторая задача, вероятно, требует комментария. Если в академической среде разногласия по поводу методик, процедур, достоверности данных и, в конечном счете, добросовестности исследователей решаются путем научной дискуссии, конфликты в прикладной сфере требуют для своего разрешения (и профилактики) апелляцию к четко зафиксированным нормативам. Отечественная практика социологических, маркетинговых, политических и других родственных исследований до сих пор минимально нормирована правовыми средствами, что дает значительную свободу исследователям, но в то же время создает значительные риски при неквалифицированной и/или недобросовестной деятельности, причем как со стороны исполнителей, так и со стороны пользователей. Объективно все стороны (включая медиаторов, пытающихся

урегулировать конфликты) заинтересованы в источниках, фиксирующих если не правовую, то хотя бы социально-профессиональную (то есть признанную отраслевым сообществом) норму. В какой мере рецензируемая книга может служить источником такой нормы? И вот тут сразу возникает коварная версия этого вопроса: можно ли опираться на содержание книги С. А. Белановского при оценке корректности выполнения глубинных (по договору с заказчиком) интервью, если сам автор настаивает, что описанный им метод — это не глубинное интервью, а глубокое?

Несколько слов о формальных характеристиках новой книги. Название содержит термин «учебник» с указанием предметной области (качественные методы социологического опроса), но без указания уровня образовательной программы. Именно как учебник(и) автор позиционировал и предыдущие отдельные издания. На титульном листе указан рекомендательный гриф, полученный в 2001 г. (то есть в момент выхода второго издания книг автора). При этом статус издания определен в грифе как учебное пособие с указанием широкого спектра уровней высшего образования (бакалавриат, магистратура, специалитет) и направлений/специальностей подготовки (социология, политология, психология, маркетинг). Досадной является неточность в указании выдавшего гриф ведомства — Министерство образования и науки Российской Федерации (которое указано на титульном листе) существовало с 2004 по 2018 г., что не совпадает ни с моментом получения грифа (в 2001 г. существовало Министерство образования Российской Федерации), ни с моментом выхода третьего издания (на 2022 г. правильное наименование ведомства: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации). Стоит ли обращать внимание на эти сугубо формальные моменты? Стоит, потому что бросающаяся в глаза путаница способна нанести существенный репутационный урон ключевому для отечественной социологии методическому источнику. Уровень формализации академических процессов устойчиво повышается уже четверть века, и современное поколение студентов очень внимательно к формальным аспектам обучения. Что уж говорить о судебном процессе, в котором важные для существа дела аргументы могут быть отклонены, потому что опираются на источник с подобными противоречиями в титульных данных!

Но чем же с формальной точки зрения является рецензируемая книга на самом деле? Ее объем более 450 страниц — вполне соответствует уровню учебника, причем большая часть объема почти поровну распределена между двумя методами сбора данных — глубоким интервью и фокус-группой. Представленного материала вполне достаточно для того, чтобы получить систематизированное знание по этим методам, достаточное для перехода к их практическому освоению, что тоже оправдывает статус учебника. А вот структура представления материала для учебников нетипична — обычно этот жанр предполагает в целом равномерное распределение текста между темами, которые условно координируются с тематическим планом лекций/занятий. В рассматриваемом же случае наблюдаются как очень компактные структурные элементы (например, глава 2.5 «Завершение интервью» и глава 2.7 «Глубокое интервью при разработке социологических анкет» имеют объем всего 4 страницы каждая), так и значительные по объему, но посвященные частным моментам главы (как, например, глава 2.3 «Начало интервью» — более 20 страниц). Следует подчеркнуть, что речь идет не о распределении объема текста между смысловыми сюжетами, а о его структурировании оптимальным/удобным для органи-

зации учебного процесса образом — посредством более или менее равновесных тематических модулей. Отсутствуют в тексте рецензируемой книги и ставшие привычными маркеры современных учебников — аннотации к тематическим модулям, описание целей их освоения, ключевые слова, контрольные вопросы, глоссарий и т. п. Таким образом, имея, по сути, готовый к использованию учебник по двум качественным методам, современный отечественный преподаватель может столкнуться с существенными трудностями в процессе формальной интеграции этой книги в учебный процесс, в частности в модернизируемые и/или новые учебно-методические комплексы, что создает риск незаслуженного вытеснения ценного методического источника на периферию образовательного процесса, например в область дополнительной (а не обязательной) литературы по профильным дисциплинам. И еще один относящийся к форме издания момент: в предисловии С. А. Белановский заявляет «энциклопедический» характер учебника (с. 7), что как раз остро востребовано в спорных профессиональных ситуациях. Однако характерных признаков энциклопедического (справочного) жанра издание не имеет — для понимания предмета и получения ответа на конкретные вопросы эта книга требует последовательного освоения достаточно больших объемов текста (в идеале — прочтения от корки до корки). А ведь в практике урегулирования конфликтов очень пригодятся именно энциклопедические источники, в которых структура и способ изложения материала позволяет быстро получать обстоятельный, но в то же время четкий и компактно оформленный ответ на конкретный вопрос.

Теперь о содержании книги. Первая часть — методологическая, включает в себя две главы, общий объем которых 30 страниц (это как раз тот материал, дублирование которого стремился исключить автор, объединяя ранее независимые источники в общее издание). Цель данной части (как ее стоило бы представить в современном учебнике) — сформировать общее представление о качественных методах социологического исследования, их особенностях, целях, возможностях и ограничениях применения. А поскольку книга посвящена только двум методам (что автор прямо указывает на с. 10), ожидаема конкретизация цели применительно к освоению данной подгруппы качественных методов. Знакомство с этой частью обнаруживает следующие особенности позиции автора. Во-первых, качественные методы определяются и рассматриваются как элемент системы, которую они образуют вместе с методами количественными, а во-вторых, значительное внимание уделяется урегулированию конфликта между количественными и качественными методами, согласованию стратегий их применения, разделению зон ответственности и т. д. Такой подход имеет исторические корни: количественные методы получили распространение в отечественной социологии на несколько десятилетий раньше качественных, и когда последние начали внедряться, их сторонникам пришлось немало потрудиться, доказывая в общем очевидное — качественные методы не являются количественными, у них иные возможности, и они предназначены для решения других задач. Однако прагматический взгляд преподавателя порождает сомнения в целесообразности использования дилеммы количественной и качественной парадигмы исследования как отправной точки в освоении качественных (да и количественных тоже) методов. Во-первых, потому что эта дилемма уже может считаться разрешенной, а сохраняющиеся традиции/школы/кланы «количественников» и «качественников» де-факто отражают различия во вкусах, дискутировать

о которых в студенческой аудитории более не имеет смысла (да и не получится обезличенно, то есть избегая прямой оценки достижений и ошибок конкретных коллег и их объединений). Во-вторых, определение качественного подхода через отрицание/критику/преодоление ограничений количественного может породить заблуждение относительно вторичности и несамостоятельности качественной методологии. Как самый примитивный вариант такой реакции современного студента звучит вопрос: почему количественные методы, подходы и прочее столь интенсивно упоминаются в учебнике, полностью посвященном методам качественным? А название главы 1.2 «Количественные аспекты качественных методов» прямо провоцирует в так называемых незрелых умах подозрение: что-то с качественными методами не так, раз их количественные аспекты заслуживают отдельной методологической главы. В-третьих, дискуссия о взаимодействии/соотношении/конфликте качественных и количественных методов/стратегий/подходов предполагает наличие у аудитории базовых знаний о них, а в идеале — знаний и навыков применения количественных методов (прежде всего опроса). Это требование согласуется с распространенной логикой преподавания методов социологических исследований — вначале введение, структура программы и обзор методов, далее — количественные методы и только после них — качественные. Но такой подход — не единственно возможный, а во многих случаях и не оптимальный. Если, например, вести обучение от практики, то освоение на старте именно качественных методик, в частности интервью, является удачным решением, позволяющим студенту окунуться в исследовательское поле и почувствовать вкус к эмпирической деятельности. А в некоторых ситуациях (подготовка в области этнографических исследований и т. п.) количественные методы могут вообще оказаться вытесненными в неопределенное факультативное будущее, оставшись в студенческой памяти лишь в виде фрагментарных упоминаний рассматриваемой дискуссии. Наконец, в-четвертых, методологический акцент на взаимодействии количественных и качественных методов будет эффектно смотреться в учебнике, если предложить стратегию и тактику разрешения представленного конфликта посредством интеграции методов. Например, описать случаи успешной реализации мультиметодической стратегии и/или совмещения количественных и качественных результатов. Причем движение в этом направлении в рецензируемой книге наметилось: в главе 2.7 рассматривается технология применения глубоких интервью для пилотажа методик и инструментария количественного опроса, а в главе 2.8 — применение техники качественного экспертного интервью на подготовительном этапе прикладного исследования (интервью с заказчиком).

Представленный выше критический разбор методологической части касается скорее акцентов презентации материала, которые очень важны для включения студентов в учебный процесс. Дело в том, что текст первой части содержит определение качественной методологии — самодостаточное и независимое от количественной альтернативы. Речь идет о параграфе 1.1.3 «Исследовательские функции качественных методов» (который, к сожалению и недоумению, начинается с вопросов, которыми занимаются методы... количественные, см. с. 15). Автор указывает в качестве основной цели применения качественных методов «выявление самого факта существования» (с. 16), что полностью соответствует общенаучным представлениям о качественных методах как способах идентификации содержания

объекта исследования (безотносительно оценки пропорций этого содержания, чем занимаются методы количественные). Акцент на определении качественных методов социологического исследования как способов поиска и описания социальных объектов (или компонентов социальной реальности) — мнений, проблем, норм, ценностей, установок, моделей поведения и т. д. и т. п. — это и есть короткий путь к сознанию студента, позволяющий объяснить смысл применения качественных методов на самых ранних стадиях профессиональной социализации.

Смещение акцентов в определении качественной методологии позволяет усилить некоторые значимые тезисы автора. Например, важной представляется постановка вопроса о репрезентативности качественных данных (параграф 1.2.2). Автор справедливо отмечает распространенность заблуждений о неприменимости критерия репрезентативности к качественным исследованиям (с. 29) и предлагает стратегию управления репрезентативностью данных при организации исследований методом качественного интервью и фокус-группы. Обобщая коллективный опыт качественных проектов, С. А. Белановский приводит количественные характеристики исследовательских (выборочных) совокупностей, признанные достаточными для достижения репрезентативных результатов — 20–30 интервью и 6–12 фокус-групп для однородных объектов (генеральных совокупностей). Однако основания, по которым сам автор и цитируемые им коллеги остановились именно на этих цифрах, упомянуты практически вскользь: «...при увеличении масштаба исследования в пределах однородной совокупности список основных мнений уже не меняется» (с. 31). В этой связи уместно поставить вопрос о принципиальном отличии репрезентативности качественных исследований/данных от одноименного критерия количественных исследований. Если суть качественной методологии состоит в обнаружении и описании вариаций интересующих исследователя объектов (мнений, норм, моделей и т. д.), то репрезентативным следует считать исследование, позволившее выявить все существенные для достижения исследовательских целей варианты. Причем, как и в случае количественной репрезентативности, она может быть оценена только по конкретным переменным, а репрезентативные исследования/данные вообще (в целом) — это распространенный коммуникативный миф.

Автор предпринял интересную попытку предложить математический аппарат для оценки объема исследовательской совокупности, достаточного для получения репрезентативных качественных данных (с. 31–34). Однако основан этот аппарат на применении простой случайной выборки, что в практике качественных исследований фактически не встречается. Собственный вывод автора состоит в том, что «буквальный перенос критериев репрезентативности из области количественных в область качественных исследований некорректен, поскольку постановка задачи различается. Объем выборки, необходимой для обеспечения репрезентативности качественного исследования *по критерию доказательства существования* (курсив автора рецензируемого учебника. — Н. С.), может быть на 1–2 порядка меньше, чем для количественного» (с. 34). Данный тезис может быть поддержан с существенной оговоркой: в качественных (как и в количественных) исследованиях оценка репрезентативности выполняется с учетом допустимой с точки зрения целей исследования погрешности. Это ставит вопрос о природе погрешности (ошибки) качественных измерений, которая представляет собой потерю существенных для

исследовательской задачи вариаций объекта. Таким путем может быть разрешена коллизия «ценности единичных высказываний», которой С. А. Белановский посвятил отдельный параграф (1.2.5). Исследовательская ценность отдельной вариации (мнения, нормы, поведенческой модели и т. д.) определяется исходя из ее фактической системной позиции по отношению к объекту. Поэтому потеря уникального мнения влиятельного эксперта может существенно снижать репрезентативность результатов исследования, а потеря жестко стигматизированной в конкретных исторических условиях модели поведения, имеющей «условно массовое» распространение, — нет, так как носители этой модели сами вынуждены скрывать ее от окружающего социума.

При переходе к анализу двух доминирующих структурно и содержательно частей книги (часть 2 «Индивидуальное глубокое интервью» — 8 глав, и часть 3 «Метод фокус-групп» — 6 глав, объем каждой части превышает 160 страниц текста) практикующий преподаватель ждет, прежде всего, базовых определений и критериев, позволяющих развести интервью и фокус-группы относительно других исследовательских методов.

Определению метода глубокого интервью посвящена десятистраничная глава 2.1. Автор справедливо отмечает существующий «значительный терминологический разнобой» (с. 41), то есть выраженную в профессиональном (в том числе академическом) поле дифференциацию понимания сущности и границ метода индивидуальных качественных интервью. В этой связи автор избрал стратегию дистанцирования определяемого явления от близких ему методов, рассматривая различия между формализованными и неформализованными, направленными и ненаправленными интервью, стандартизированной вопросной техникой и мягкой (С. А. Белановский использует термин «неточной» — см. с. 45–46) формулировкой исследовательского запроса, разными типами вопросов и стилями ведения интервью. Далее акцентируется авторское видение различий между терминами «глубокое» и «глубинное интервью», при этом сложившаяся в отечественном обороте традиция использования второго из этих терминов отвергается. Дополнительно рассматривается термин «фокусированное интервью» — посвященный ему параграф 2.1.4 содержит интересный экскурс в историю внедрения и нормализации качественных методов и методик, но заметно отличается от сопредельного материала своей углубленностью и дискуссионностью (что может дезориентировать студента, особенно при недостаточно внимательном прочтении). В итоге глава 2.1 формирует понимание того, о каком способе сбора социологических данных идет речь автор. Несомненно, освоение последующих компонентов книги это понимание развивает и конкретизирует. Однако строгая формулировка определения рассматриваемого метода в тексте отсутствует (что нехарактерно для учебной литературы). А учитывая, что в тексте рецензируемой книги упоминаются далеко не все распространенные подходы к обозначению качественных интервью, остается открытым вопрос о том, как глубокие интервью (в авторском понимании) соотносятся, например, с полуструктурированными, биографическими, нарративными, документальными, лейтмотивными, историческими, этнографическими и т. п. интервью. Более того, автор явно уклоняется от родового определения термина «интервью», что закладывает основу для путаницы как в идентификации метода, так и в уяснении того, как он соотносится с прочими, часто используемыми понятиями/

методами/техниками и пр. Всякое ли вербальное общение исследователя с респондентом идентифицируется как интервью? При массовом опросе с помощью формализованных интервью что следует указать в качестве метода сбора данных — опрос или интервью? Может ли интервью (как метод) быть частью наблюдения (как метода) и наоборот? Диалог с участником лабораторного эксперимента (например, в жанре *hall test*) следует рассматривать как применение метода интервью или нет? На современном этапе развития социологической отрасли рефлексия и дискуссия по этим и множеству подобных вопросов может быть масштабной и практически бесконечной. Но в учебнике и энциклопедическом/справочном источнике целевая аудитория ожидает найти четкий аргументированный ответ, фиксирующий определенный момент понимания метода и специально предназначенный для того, чтобы стать основой дальнейших логических построений и практических действий.

Сложно удержаться от того, чтобы сразу заглянуть в главу 3.1, посвященную определению метода фокус-группы. С. А. Белановский определяет фокус-группу как групповое глубокое интервью, предлагая считать термины «фокус-группа» и «групповое интервью» синонимами (с. 208). Это неизбежно переносит в часть книги, посвященную фокус-группам, описанные выше проблемы определения интервью как такового. При этом авторская стратегия формирования базового представления о методе фокус-групп существенно отличается от подхода к определению глубокого интервью. Если в качестве основы для понимания индивидуального интервью С. А. Белановский видит рефлексию актуального среза понятий и профессиональных интерпретаций, то для объяснения сущности фокус-групп выбран исторический экскурс. Возможно, это связано с тем, что фокус-группы как метод сбора данных существенно моложе и имеют общепризнанного основателя — Р. Мертона (R. Merton), чьи методические инновации в период Второй мировой войны и считаются отправной точкой в развитии данного направления исследований (с. 213). Индивидуальные интервью уходят корнями как минимум в историю этнографических исследований, и кому первым пришло в голову целенаправленно поговорить с представителями объекта изучения — неизвестно. Подробный экскурс в историю фокус-групп (параграф 3.1.3), несомненно, облегчает задачу формирования представлений о данном методе. Но в условиях отсутствия развернутого базового определения противоречивая эволюция исследовательской практики может оказать на сознание целевой аудитории и обратный эффект. Если сам Р. Мертон констатировал, что его ранние методические эксперименты имеют не так уж много общего с последующей эволюцией прикладных исследований, почему сформулированные в них постулаты следует считать каноническими (с. 214–215)? Жаль, что рассмотрение исторической эволюции заканчивается в книге С. А. Белановского на рубеже 1980–1990-х гг., а анализ позднейшей российской практики представлен как разделение ее на «соответствующие канону» и ошибочные сегменты.

В действительности метод фокус-групп является в настоящее время областью социологического знания, где наблюдается едва ли не максимальная дифференциация подходов, переходящая практически в профессиональную субкультуризацию. Автору рецензии известны не менее трех крупных взаимоисключающих подходов к определению и интерпретации данного метода и множество их локальных версий. Каждое направление подкреплено академическим знанием и прикладной практикой, однако ни одно не имеет приемлемой для всех аргументации. Убедительной

была бы способность определенной методической версии достигать практически наблюдаемого превосходства в области достоверности исследовательских результатов, то есть такого, которое непосредственно и гарантированно конвертируется в маркетинговые, публичные, социальные и т. п. достижения. Но конкурирующие подходы продолжают практиковаться, остаются востребованными рынками, и следовательно, их преимущества друг перед другом не безусловны. С. А. Белановский занимает в этой связи жесткую позицию, отстаивая канон фокус-группы, опирающийся на мертоновскую традицию. Подходы и практики, от данного канона отклоняющиеся, названы ни много ни мало «распространенными ошибками» (которым посвящен отдельный параграф 3.1.6). Среди ключевых ошибок выделены ориентации на групповую динамику (с. 225), использование дискуссионной коммуникации (с. 228), ожидание креативного инсайта (с. 235), ставка на проективные методики (с. 236) и избыточное внимание к невербальной коммуникации (с. 238). Критика перечисленных представлений и практик представляется автору книги настолько важной задачей, что новое издание дополнено приложением («Что не так с фокус-группами?», см. с. 403–448), содержащим развернутую, более того — интерактивную аргументацию. Фактически приложение представляет собой тематическую статью С. А. Белановского и А. В. Никольской, опубликованную в 2021 г. в журнале «ЭКО», с последующим подробным разбором поступивших отзывов. Знакомство с таким материалом, несомненно, полезно для профессионального становления социолога. Однако несбалансированное включение дискуссионного материала, отличающегося по стилю и жанру от типичного учебного издания, способствует определенному перекосу восприятия предмета у целевой аудитории. У нецелевой аудитории жесткая внутривнутрипрофессиональная дискуссия способна вызвать впечатление о несостоятельности методики и практики фокус-групп, относительно которых сами социологи не могут договориться, как их проводить.

А между тем все перечисленные подходы действительно относятся к альтернативным по отношению к мертоновской традициям проведения фокус-групп. Все они практикуются, продаются, имеют своих сторонников как среди исследователей, так и среди пользователей. Такова реальность современной эмпирической социологии, вероятно, движущейся к дифференциации методов и методик, до сих пор обозначаемых одним общим термином. В учебном процессе (при наличии достаточного объема учебной нагрузки и студенческой мотивации, что встречается только на профильных программах) нюансы восприятия метода под названием «фокус-группа» различными исследователями/корпорациями/школами могут и должны дискутироваться, причем с акцентом на поиске оптимальных технологических решений для различных исследовательских задач, тем более что академическая деятельность поощряет и экспериментальные задачи, и экспериментальные методики. А вот в области прикладных исследований применение метода фокус-групп фактически ограничено ситуацией, в которой достигнут консенсус исследователя и пользователя относительно использования определенного подхода. В любой конфликтной ситуации эксперт, отстаивающий профессиональную позицию «по Мертону/Белановскому», неизбежно сталкивается с альтернативным экспертом, и пока социологическое сообщество не придет к внутреннему согласию, внешние споры будут решаться с помощью внепрофессиональной аргументации.

Подробный разбор, вероятно, не самых интересных моментов рецензируемого издания важен для понимания того, что новая книга С. А. Белановского представляет читателю авторскую версию технологии качественных исследований, которую не следует понимать как навязываемую догму. Хотя это и классический труд, он не вписывается в ожидания о безупречном источнике, наконец-то разрешившем методические проблемы качественной социологии. Но не стоит и критиковать его за авторскую девиацию — эту книгу стоит внимательно прочесть для того, чтобы составить собственное профессиональное представление о методах индивидуального и группового качественного интервью. Поэтому ниже перечислим моменты, на которые стоит обратить внимание при работе с книгой.

Прежде всего, выделим описание коммуникативной методики *probing* (раскрытие темы), которая является центральным элементом в представленной С. А. Белановским технологической системе. Непосредственно процессу раскрытия темы в индивидуальных интервью посвящен параграф 2.4.1 (с. 129–135), а в групповых интервью — параграф 3.6.4 (с. 351–355). Однако особенностью рассматриваемой книги является раскрытие важнейших методических моментов, так сказать, по кусочкам, в разных структурных фрагментах. Например, параграф 2.4.3 «Контроль над темой» (с. 140–154) содержит детальное описание стратегий и техник управления содержанием индивидуального нарратива, а поддержанию мотивации рассказчика также посвящен отдельный параграф 2.4.4 (с. 154–158). Применительно к фокус-группам выделим аналогичные по своему коммуникативно-технологическому содержанию параграфы 3.6.5 «Стимулирование обсуждения (поддержание мотивации)» (с. 356–359) и 3.6.6 «Сравнение однотипных предметов» (с. 359–363).

Очень важный как для обучения, так и для разрешения спорных ситуаций материал, описывающий ключевые ошибки в реализации методики *probing* в индивидуальных интервью, находится в двух параграфах: 2.4.5 «Искажения информации в интервью» (с. 158–165) и 2.4.6 «Ошибки интервьюеров. Некоторые рекомендации» (с. 165–169), а также частично в параграфе 2.2.1 «Подготовка интервьюеров» (с. 61). А вот обнаружить в оглавлении аналогичный материал, касающийся фокус-групп, сложнее. Он спрятан в основном в главе 3.5, посвященной профессиональной роли модератора — параграфы 3.5.5 «Деструктивные стили» (с. 310–317) и 3.5.8 «Контроль над предвзятостью модератора» (с. 321–329).

Следующий момент, имеющий существенное значение для практического применения книги в учебном процессе, — фрагменты, посвященные профессиональным ролям и подготовке интервьюеров и модераторов. Небольшая ремарка: до сих пор профессиональная подготовка полевых исследователей для социологии, маркетинга и родственных отраслей слабо интегрирована в систему образования. По форме и сути деятельности навыки интервьюирования относятся к среднему профессиональному образованию, программы которого по социологическому направлению отсутствуют. Социология появляется только на уровне подготовки бакалавров, но найдется не так много исследовательских проектов, в которых высшее образование является принципиальным требованием для выполнения полевых функций. Поэтому и претенденты на данную профессиональную роль, и их работодатели, и, в конечном счете, клиенты удовлетворяются несистематической подготовкой в форме тренингов, инструктажей, а часто — обучением непосредственно

на рабочем месте. В параграфе 2.2.1 С. А. Белановский описывает возможные приемы индивидуального и группового обучения интервьюеров (с. 60–63). А вот подготовка модераторов фокус-групп остается свободным полем, автор лишь указывает, что «высокий уровень образования и сопутствующей ему эрудиции обязательны для хорошей работы в этой профессии» (с. 321).

Стоит обратить внимание на то, что, перечисляя качества хорошего интервьюера, С. А. Белановский отдельным пунктом выделяет социологическую, в том числе теоретическую подготовку (с. 58–60). Однако многолетний сравнительный опыт работы автора рецензии со студентами разных уровней и направлений подготовки позволяет усомниться в непосредственном эффекте высшего социологического образования в данной области. Неоднократно удавалось наблюдать превосходные нарративные интервью, выполненные студентами младших курсов и/или непрофильных направлений/специальностей. Анализ позволяет констатировать, что основу их успеха составляют коммуникативные компетенции в сочетании с высокой мотивацией к исследовательской работе и готовностью вдумчиво выполнять поставленные руководителем задачи. В то же время нередко встречаются старшекурсники профильных образовательных программ и даже научные работники, имеющие хорошую теоретическую подготовку и навыки исследовательской, организаторской, аналитической (но не полевой) работы, испытывающие затруднения в получении в ходе интервью полноценных нарративов.

Нельзя, наконец, обойти вниманием четвертую, завершающую часть книги, посвященную анализу результатов исследования и подготовки отчета (четыре главы, 25 страниц). Обращает на себя внимание, что в тексте этой части фокус-группы (и их материалы) упоминаются гораздо чаще, чем индивидуальные интервью. Это не противоречит распространенному представлению о подобии исследовательских данных, получаемых с помощью двух рассматриваемых методов, однако контрастирует с исходной методологической посылкой, в которой фокус-группа представляется как групповая версия глубокого интервью, выполненного в технике *probing*. Для учебника и справочника удачнее было бы эту посылку поддерживать, рассматривая стратегию и методику анализа данных именно интервью — индивидуального и группового. Рассматриваемая часть книги интересна своим инструктивным жанром, но, в отличие от предыдущих, воспринимается как излишне сухая/скупая. И это тоже согласуется с отечественными традициями преподавания методов социологического исследования — большинство известных учебников и программ (за исключением, пожалуй, статистических) уделяют методам сбора первичных социологических данных существенно больше места/времени, чем методам анализа данных. В рассматриваемой части работы выделяется методологически интересная глава 4.2. «Стенограмма», в которой, в частности, поднимается важный вопрос о редактировании нарратива в процессе его первичной и последующих обработок. Здесь С. А. Белановский снова вступает в заочный спор с доминирующим представлением о недопустимости искажения высказываний участников исследования, которое на практике выражается в стремлении исследователей получать не просто дословные расшифровки интервью, но и воспроизводящие фонетические, интонационные и пр. особенности повествования. Однако, как верно замечает автор, даже простая запись устной

речи невозможна без внесения в текст отсутствующих в ней моментов, а также интерпретации услышанного в форме, например, расстановки знаков препинания (с. 378). Кстати, опыт работы с расшифровками позволяет утверждать, что нарезка нарратива на фразы (которая выполняется по совокупности как минимум понимания смысла высказывания, интонации и пауз в речи) — это своего рода искусство и разногласия между исследователями в этой области достаточно частое явление. Поэтому логично ставить вопрос о приемлемой степени и формах редактирования расшифровки, опираясь прежде всего на оценку достоверности полученных данных с точки зрения целей и задач исследования. Например, при обсуждении инструментальных свойств продукции известных брендов в маркетинговом исследовании можно пренебречь не только фонетическими особенностями упоминания этих брендов, но даже и субкультурными их искажениями. При рассмотрении эмоциональных свойств тех же брендов субкультурные прочтения будут иметь существенное значение. А при изучении собственно потребительских субкультур пригодятся и фонетические искажения, с помощью которых агенты субкультуры дистанцируются от общепринятой культурной нормы.

Подведем итог. Новое объединенное издание классических работ С. А. Белановского заняло место в библиографических списках и на полках отечественных социологов еще до своего выхода в свет. Но нужно понимать, что книга эта про доцифровую социологию и традиционное прочтение методов интервью и фокус-групп. Эта книга несет в себе смысловые наслоения нескольких эпох становления российской прикладной социологии и будет интересна тем, кто хочет разобраться не только непосредственно в исследовательских технологиях, но и в историческом контексте их эволюции. Чего стоит одно упоминание «люберов» (с. 73) — молодежной субкультуры 1980-х гг., о которой даже ее современники давно забыли. Книга С. А. Белановского требует внимательного чтения с карандашом — она позволит вдумчивому читателю понять логику качественной социологии в интерпретации ведущего отечественного специалиста — практика в этой области. Но она будет вызывать неприятие и сопротивление у формалистов из числа как преподавателей и методистов, так и студентов, которые столкнутся с нетипичной для учебного издания структурой и логикой распределения информации внутри текста. Эта книга будет еще продолжительное время работать на задачи просвещения социологической, около социологической и вовсе не социологической общественности. Однако вопросы нормализации социологического знания о качественных методах и достижения профессионального консенсуса относительно корректности исследовательских практик и после выхода этой книги остаются открытыми.

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2023 г.;
рекомендована к печати 25 декабря 2023 г.

Контактная информация:

Соколов Николай Викторович — канд. социол. наук, доц.; n.sokolov@spbu.ru

Unbending classics as a reason for pragmatic reflection*

N. V. Sokolov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Sokolov N. V. Unbending classics as a reason for pragmatic reflection. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2023, vol. 16, issue 4, pp. 475–487.
<https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.408> (In Russian)

Received: September 10, 2023

Accepted: December 25, 2023

Author's information:

Nikolay V. Sokolov — PhD in Sociology, Associate Professor; n.sokolov@spbu.ru

---

* [Review of the book]: In-depth interviews and focus groups: a textbook on qualitative methods of sociological survey / S. A. Belanovsky. 3rd ed., rev. Moscow: Direct-Media Publ., 2022. 456 p. (In Russian)